

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 2, pp. 404–416, 2023
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 396

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-404-416

Женская история в трудах китайских ученых второй половины XX в.

Наталья Львовна Пушкарева¹, Илэй Ли²

¹ Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (д. 32а, Ленинский проспект, 119334 Москва, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор, заведующая Центром

 0000-0001-6295-3331. E-mail: [pushkarev\[at\]mail.ru](mailto:pushkarev[at]mail.ru)

² Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (д. 32а, Ленинский проспект, 119334 Москва, Российская Федерация)

аспирант

 0000-0003-1410-5826. E-mail: [liyilei1212\[at\]gmail.com](mailto:liyilei1212[at]gmail.com)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Пушкарева Н. Л., Ли И., 2023

Аннотация. *Введение.* В обстановке современного постмодернистского переворота значимость и необходимость определения каждого направления в науках о прошлом приобретает особую значимость. В статье предпринята попытка аналитического обзора достижений в исследовании «женской темы» в современных исторических науках материкового Китая за полвека (1949–1999). *Целями* работы являются: во-первых, изучение накопления знаний, касающихся «второго пола» (долгое время считавшегося неглавным); во-вторых, история введения в оборот ранее неизвестных источников или ранее упускаемых аспектов и сюжетов, связанных с правовым, семейным, общественным положением китаянок; в-третьих, выявление предпосылок и причин возникновения нового направления в науках о прошлом (женской истории Китая и антропологии гендера); в-четвертых, изучение основных этапов развития научного направления с целью определения его значимости для современной китайской и мировой науки. *Результаты.* Авторами доказано, что значимая Четвертая Всемирная конференция по положению женщин 1995 г., прошедшая в Пекине, стала разделительной чертой в истории складывания нового научного направления. Именно после 1995 г. появились исследовательские работы в разных городах и университетах, сформировались научные школы, выделились их лидеры. *Выводы.* Возникновение нового направления в китайской науке было неизбежно, поскольку это было предопределено сменой познавательных ориентиров. Направление женской истории объединило тех, кто на основе марксистской методологии (с ее упором на особо пристальное изучение социально-экономических проблем) обратился к гендерной концепции (которая позволила высветить темы, ранее китайскими историками не изучавшиеся).

Ключевые слова: женщины, женская история, Китай, женская повседневность, стереотипы, гендерная антропология

Благодарность. Статья подготовлена в рамках Программы научно-исследовательской работы Центра гендерных исследований Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (проект «Гендерные исследования: социально-исторические и культурно-антропологические перспективы»).

Для цитирования: Пушкарева Н. Л., Ли Илэй. Женская история в трудах китайских ученых второй половины XX в. // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 2. С. 404–416. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-404-416

Women's History in Works of Chinese Scholars: Mid-to-Late 20th Century

Natalia L. Pushkareva¹, Yilei Li²

¹ Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (32A, Leninsky Ave., 119334 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor, Head of Center for Gender Studies

 0000-0001-6295-3331. E-mail: pushkarev[at]mail.ru

² Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (32A, Leninsky Ave., 119334 Moscow, Russian Federation)

Postgraduate Student

 0000-0003-1410-5826. E-mail: liyilei1212[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2023

© Pushkareva N. L., Li Y., 2023

Abstract. *Introduction.* In the context of the current postmodern upheaval, the need to define each trend and field in sciences dealing with the past gains special significance. The article attempts an analytical review of achievements in the study of the ‘women’s theme’ in contemporary historical sciences of Mainland China between 1949 and 1999. *Goals.* The work aims to examine the accumulation of knowledge concerning the ‘second sex’ (long considered non-principal); review the history of how previously unknown sources or overlooked aspects and plots relating to legal, family, social statuses of Chinese women have been introduced into scientific discourse; identify prerequisites and causes for the emergence of new fields in disciplines dealing with the past (women’s history of China and anthropology of gender); explore main stages in the development of the research trend to determine its significance for contemporary Chinese and world science. *Results.* The paper proves that the Fourth World Conference on Women (Beijing, 1995) served a dividing line in the shaping of the new history research agenda. It was after 1995 that corresponding academic endeavors were launched in various cities and universities, scientific schools formed, and their leaders came forth. *Conclusions.* The emergence of the new field in China’s science was inevitable since it had been predetermined by a change in cognitive orientations. Women’s history brought together those who were ready to combine Marxist methodology (with its deliberate attention to socioeconomic problems) with the concept of gender (which allowed an introduction of topics never studied by Chinese historians).

Keywords: women, female history, China, women’s everyday life, stereotypes, gender anthropology

Acknowledgements. The reported study was prepared according to R&D Program of the Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Center for Gender Studies), project ‘Gender Studies: Social, Historical, Cultural and Anthropological Perspectives’.

For citation: Pushkareva N. L., Li Y. Women’s History in Works of Chinese Scholars: Mid-to-Late 20th Century. *Oriental Studies*. 2023; 16(2): 404–416. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-404-416

1. Введение

Современную историю невозможно представить без исследований, анализирующих динамику изменений прав женщин, их личного и коллективного вклада в историю и культуру этносов, а также биографии выдающихся представительниц различных народов и культур, социальное положение различных женских социальных групп в разные времена и эпохи.

Неотъемлемой частью женской истории стран Востока была и остается история женщин в Китае. Эта область стремительно развивается, особенно в последние полвека, с началом реформ и большей открытости страны зарубежной научно-теоретической мысли. Ставя задачу представить в этой небольшой статье результаты изучения китайскими учеными процессов, так или иначе связанных с участием в них женщин, нам хотелось бы рассмотреть, какой вклад вносят эти исследования в развитие исторической науки, насколько они важны для развития этого направления в Китае и насколько возможно сравнение китайских и европейских реалий.

Как рождалось направление женской истории и гендерной антропологии в Китае? Каковы достижения китайских ученых и насколько можно рассуждать об интегрированности трудов китайских историков-женщин в мировой, прежде всего американо-европейской науке, ведь направление женской и гендерной истории родилось именно в Западной Европе и США в 1960-е гг.? Систематический обзор китайской историографии по исследуемой теме, осмысление ее развития может прояснить этапы развития дисциплины, давая фактический материал тем, кто ныне пытается выстроить социальную политику и администрирование, опираясь на данные науки. До сих пор еще не было проведено ни одного исследования. Поэтому мы сочли необходимым отобрать и проанализировать около сотни исследований по женской истории в Китае, опубликованных с начала 1950-х гг. по настоящее время, пытаюсь системно рассмотреть «женскую тему» в современной

китайской исторической науке за последние полвека и понять, какое место в ней занимает проблема антропологии женской повседневности — самое, пожалуй, актуальное направление.

Понятно, что к женским персонажам китайской истории ученые обращались в своих публикациях и 100 лет назад [Chen 1925; Zhao 1928; Lü 1929; Wang 1934], а, скажем, «История жизни китайских женщин» Чэнь Дунъюаня — вообще была первой, еще довоенного времени, публикацией, посвященной только этой теме. В этой книге Чэнь Дунъюань анализирует и критикует традиционное общество Китая в отношении женщин. Главная идея книги отражает новые воззрения, выдвигаемые движением Новой культуры, которое направлено на протест против традиций и призыв к равноправию женщин. Рассмотрев различные аспекты жизни китайских женщин, такие как брак, религиозные традиции, образование, моральные нормы, проституция, отношение к целомудрию, а также важнейшие для этнографов и феминисток темы — традицию бинтования ног и движение за права женщин Нового времени, автор резко критикует проявления несправедливости и угнетения женщин в традиционном Китае как в культурном, так и в институциональном аспектах, стремится привлечь внимание к этим явлениям и призывает создать условия для достижения равноправия в обществе [Chen 1937].

В то предвоенное десятилетие большая часть работ о женщинах Китая была написана мужчинами, явно критиковавшими любую традиционность и видевшими в переосмыслении роли женщин способ выразить свое «представление о современности»¹ [Hershatter, Wang 2008: 148]. Это была критика, востребованная политической мобилизацией «новых» женщин во имя масштабных изменений, побуждением соотечественниц к участию в профессиональной деятельности, «чтобы укрепить страну» [Den 2014: 96].

¹ Здесь и далее перевод с китайского языка одного из авторов настоящей статьи — Илэй Ли.

2. Послевоенное «молчание» о женщинах в истории и открытие «женской темы» (1949 – начало 1990-х гг.)

После образования Китайской Народной Республики основной категорией исторических исследований стал *класс*, а сама история оказалась сильно политизирована.

Согласно официальному историческому нарративу, Коммунистическая партия Китая (далее — КПК) «решила этнические и классовые противоречия революционным путем, освободила женщин, решила проблему проституции, уничтожив рабство и установив автономию брака и равенство между мужчинами и женщинами» [Du 2009: 13]. В условиях, когда проблемы женщин были решены законодательно, казалось неуместным продолжать твердить о женском угнетении.

Однако о женском быте в традиционной семье никто говорить не запрещал. И в 1950-е гг. было опубликовано несколько работ, заложивших основы изучения женской темы в контексте древних брачно-семейных китайских традиций брака, истории женской литературы в том числе [Dong 1950; Ma 1956; Hu 1957].

И все же с середины 1960-х гг. изучение тем, связанных с женской историей в Китае, практически прекратилось. В обстановке *культурной революции* востребованы были только публикации по истории классовой борьбы, но даже в них практически не исследовалась тема женского участия. Вопрос о существовании женского социального самосознания затушевывался, а «конечной целью» женщин было объявлено «служение народу, а не борьба за гендерное равенство» [Zhou, Guo 2013: 10]. Таким образом, в течение тридцати лет, с момента основания Нового Китая до первых лет реформы, исследования по истории женщин исчислялись единицами.

Однако после Третьего пленума ЦК КПК 1978 г., ставшего поворотным моментом в истории китайского гуманитарного знания и началом периода быстрой трансформации и оживления интеллектуальной деятельности (в том числе теоретических исследований), началось переосмысление проблем социальной истории, «ранее сосредоточенных на классовой борьбе, крестьянских восстаниях и революциях» [Hershatler, Wang 2008: 149]. Как раз тогда Всекитай-

ской федерации женщин, созданной в 1949 г., было поручено собрать, систематизировать и опубликовать источники по истории женщин [ACWF 1979; ACWF 1989], выявить и проанализировать теоретические труды по *женскому вопросу* [WMHRO 1981; CWMCI 1988].

Собственно обыденную жизнь женщин в тех, востребованных тогда КПК работах, никто не анализировал. В публикациях источников и статьях рассматривалось китайское женское движение в контексте международных социальных изменений, исследовалась интерсекциональность в отношениях между женщинами и нацией, партией, международным женским движением, раскрывалась роль женщин в революциях и войнах, описывалось женское участие в политике, изучались вопросы экономического воспроизводства, занятости, но вовсе не повседневные женские заботы и хлопоты. В то же время эти работы внесли немалый вклад в изучение усилий, предпринятых китайками в борьбе за собственную эмансипацию.

1980-е гг. стали для китайской историографии временем, позволившим продолжить традицию исследования социальной истории Китая и — под влиянием французской историографии и «Новых Анналов» — попытаться создать новую социальную историю, сосредоточенную на повседневной жизни низших классов и маргинальных групп.

История женщин стала рассматриваться в 1980-е гг. как неперемнная отрасль социальной истории, дополняющей созданную ранее картину прошлого. В конце 1980-х гг. вместо широко употребляемого ранее термина *женский вопрос* в историографии все чаще стал появляться термин, калькированный с английского: *women's studies* — *женские исследования*.

В те годы огромная роль в продвижении «женских исследований» принадлежала Ли Сяоцзян, профессору Чжэнчжоуского университета. Именно по ее инициативе была организована в 1985 г. первая всекитайская конференция по женским исследованиям, с которой началось издание серии научных монографий, освещающих в том числе и повседневную жизнь китайок. Так, Чжэн Хуэйшэн, изучая семейно-брачные отношения в древнем Китае, показала, как менялся статус женщин в различных системах бра-

ка в эпохи Ся, Шан и Чжоу [Zheng 1988]. Автор подробно обосновала тезис о том, что в эпоху Шан аристократки не только владели землей, богатством и рабами, но и сражались в боях, проявляя полководческие таланты. И все же, начиная с эпохи Чжоу, вследствие укрепления патриархата и развития частной собственности на землю, статус женщин ухудшался, что характерно и для мировой женской истории [Zheng 1988: 251].

В изучении смены культурных конструкций на протяжении нескольких тысячелетий китайской истории, включая эволюцию взглядов на женственность в разных философских школах (конфуцианство, легизм, даосизм), значительную роль стоит признать за Ду Фанцинь. Она обнаружила, что конфуцианская мысль акцентирует внимание на морали, а также на роли и обязанностях женщин в семье, но при этом, по сути, отрицает социальную ценность женщин и выступает против участия женщин во внесемейной, особенно административной, активности. Легизм, исходя из политических интересов монарха, рассматривает женщин как объект торга, удовольствий и производства наследников для высшего слоя привилегированных лиц общества и отказывает женщинам в субъектности.

В философии даосизма, которую представляют Лао-цзы и Чжуан-цзы, женщина оценивается не только по внешней красоте, но и по ее духовным качествам. В этой традиции высшим стандартом женской красоты являются «всесторонняя духовность и целостность формы», где «всесторонняя духовность» связана с наличием духовной гармонии, скромности и сдержанности, а «целостность формы» — с сохранением естественной формы без ее разрушения при использовании украшений. Таким образом, основными качествами, которые, по их мнению, делают женщину прекрасной, являются естественная красота, духовная скромность и чистота [Du 1988: 391].

Наконец, стоит упомянуть еще одно исследование китайских медиевистов, это анализ Гао Шиюй роли женщин в эпоху Тан [Gao 1988] — первое в китайской исторической науке обращение к темам, ранее казавшимся малоинтересными для анализа: повседневные практики, обыденные уста-

новления. В ее книге на основе обширных материалов подтверждено, что образ жизни женщин в эпоху Тан в Китае характеризовался отсутствием сильных ограничений со стороны религии и общества, благодаря чему они имели возможность проявлять свою природную энергичность и творческий потенциал. Однако начиная с эпохи Сун конфуцианская мысль, ставшая главным направлением мысли в Китае, придавала большую значимость патриархальной семейной структуре и утверждала подчиненное положение женщин перед мужчинами. Развитие этих идей способствовало установлению серьезных ограничений для женщин, подавляя их личность и препятствуя духовному развитию.

Однако до середины 1990-х гг. теоретической основой исследования в традиционной китайской историографии оставался позитивизм в совокупности с обоснованным периодом господства марксизма историческим материализмом. Последний предполагал, напомним, большее внимание экономическим реалиям, изучению крупных политических сдвигов, а не деталей повседневных забот и радостей индивидов. Ученым, воспитанным в первой половине XX в., было трудно обрести критическую дистанцию в отношении прежних историографических подходов и концепций, укорененных в их сознании. Назовем среди них линейный (и прогрессивистский) взгляд на исторический процесс, теорию формаций, признание познаваемости научной истины, признание существования непреложных законов общественного развития, достижимость объективности и политической неангажированности. Поэтому на том этапе женские исследования в Китае не смогли преодолеть условности прежних подходов и теоретических рамок рассмотрения женщин в парадигме «угнетение – освобождение – вклад». К новому этапу китайская историография подошла с этими установочными концептами, теория «освобождения женщин» в рамках осуществления революционных преобразований ничуть не претерпела эрозии, и исторический материализм оставался тем же мощным основным теоретическим фундаментом, без которого было не выстроить ни одного исторического труда.

3. От истории женщин к гендерным исследованиям китайского прошлого: рождение особого направления в 1995–1999 гг.

С начала 1990-х гг. китайские исследователи истории женщин были в активном поиске новых теоретических инструментов, которые бы позволили им вырваться за рамки традиционных объяснительных концептов. Огромную помощь в этом оказало решение международного женского сообщества провести Четвертую Всемирную конференцию по положению женщин именно в Пекине, 4–15 сентября 1995 г. Представительницы китайских академических кругов впервые в жизни вступили в прямой контакт с учеными-феминистками и зарубежными активистками женского движения, которые даже в обыденном общении ставили такие вопросы, которые ранее исследователями не обсуждались, прежде всего вопрос о возможностях реализации тех прав женщин, которые были давно записаны в нормативных документах.

Впервые в китайской истории международные научные фонды, подобные Фонду Форда, начали финансировать участие китайок в международных конференциях, совместных проектах, посвященных проблемам женщин и гендерным вопросам. Расширение круга научных контактов, возможность получения грантов и работы в зарубежных университетах заставили китайских исследовательниц женской истории осознать, что «женщины — это не просто уязвимая группа», но сложная констелляция множества социальных групп и индивидов, которая никогда не была ни монолитным целым, ни совокупной пассивной жертвой угнетения, что роль их в истории невозможно оценивать только в терминах воспроизводства себе подобных, только в контексте брака и семьи. Как новый метод анализа исторических источников и как особый инструмент анализа, подходы сторонниц гендерной экспертизы социальных явлений заставили заострить внимание на изучении ранее «затушеванных», «полузабытых», «игнорируемых» особенностей отношений между полами как отношений власти и подчинения.

Именно в середине 1990-х гг. в китайскую историографию проникло понятие социально-культурных проявлений половой

принадлежности (концепт *гендера*) и вместе с ним потребность «пересмотреть сложные отношения между половой принадлежностью и трудовыми, семейными и иными социальными отношениями, «сосредоточившись на критике гендерной системы, ориентированной на мужчин» [Hershatter, Wang 2008: 150], тем самым обогащая и углубляя гендерную теорию. Особенно же важно было не допустить превращения китайской историографии в эпигона историографии западноевропейской. А для этого, как было справедливо замечено американской китаисткой Г. Хершаттер, как раз и нужно было «критически осмыслить элементы западной феминистской теории, которые не соответствуют контексту китайской действительности, использовать местные ресурсы для исследований, уделяя внимание изучению тех аспектов, которые характерны именно для истории женщин Китая» [Engendering China 1994: 470].

Приемы аналитической работы сторонниц гендерного подхода в исторических науках, заставляющие искать причины и истоки существования социально-полового неравенства, а именно — не дополнительность, а отношения власти между индивидами разного пола, — смогли обеспечить более полную и глубокую интерпретацию китайской истории и бросить вызов традиционной описательности и старым историографическим концепциям. Со временем и с развитием направления стало особенно ясно, что гендерный порядок сложен и изменчив, и социально-половые отношения надо изучать в перекрестном взаимодействии с политическими переменами, реформами в экономике, особенностями этнической, классовой, конфессиональной принадлежности. Даже традиционное разделение на мужской и женский труд, как выяснилось при скрупулезном исследовании истоков гендерного неравенства в экономике, существовало не всегда [Li 1996: 99–107; Li 1997: 10–22].

Подходы западноевропейских феминисток в сочетании с подходами исторического материализма (который остается руководящей идеологией и теоретической основой современного Китая) на протяжении последней четверти века в равной степени влияли на академическую практику изучения истории женщин в Китае. На рубеже ве-

ков, а особенно после 2000 г., в литературе все чаще стал употребляться термин *женские и гендерные исследования*, и история с антропологией, использующие гендерный подход и соответственные ему приемы работы, стали, соответственно, *гендерной историей и антропологией гендера*.

Интерес же к истории женской социально-политической самостоятельности, типичный для Запада, вызвал к жизни публикации по истории женских движений и ассоциаций, публичное осуждение традиционной для Китая практики бинтования ног, множество книг и статей по истории женского образования и вхождения женщин в академическое сообщество, обсуждение вопросов сочетания профессиональной самореализованности и выполнения женщинами домашних обязанностей. Свое место нашлось и дискуссиям вокруг пресловутого Закона о браке 1950 г., который привнес в общество споры о возможностях планирования семьи, тогда же развернулись первые проекты по изучению проблем истории торговли женским телом в Китае.

Однако интерес к женской теме, сформированный историческим материализмом, заставлял готовить прежде всего публикации об экономической роли женского труда, историко-юридические штудии, касавшиеся женской собственности в браке, женского участия в революционных событиях китайской истории.

Важно было в те годы аккуратного отступления от государственного атеизма подчеркнуть и позитивную роль церковных школ — первых женских образовательных учреждений, которые стали образцами для развития женского образования в стране [He, Shi 1996].

В те же годы к теме пересечений гендерных асимметрий и культурных особенностей обратились этнографы, изучавшие системы брачности и семейных отношений, в том числе со следами «матриархата» [Ding 1999], а также искусствоведы, заметившие влияние трансформаций в отношении прав полов даже на театральное искусство (падения популярности ходулей в китайском театре) [Huang 1998], на «потерянность» женских имен в истории китайской живописи [Tao, Li 1999].

Нарождавшееся новое научное направление заставило ученых КНР внимательнее

отнестись к находкам в архивах, к поиску материалов, повествующих именно о жизни женщин дома и вне его [Deng 1999]. Работа социологов в этом направлении поддерживалась финансово и привлекала больше внимания со стороны правительств и международных фондов, в то время как в рамках исследований на исторические темы сложнее было установить прямую связь с решением проблем и вопросов, с которыми сталкиваются женщины [Hershatter, Wang 2008: 153]. Тем не менее такие работы появились. Их главный результат — важный вывод о женской повседневности: женщины низшего класса чаще находились вне дома, чем представительницы высшего класса, что было обусловлено не личными желаниями, но социально-экономической необходимостью, и уже в силу этого первыми вовлекались во внедомашнюю активность. Так была поставлена проблема соотношения «внутреннего» и «внешнего» в жизни семьи, уязвимости женщин в традиционном обществе (в том числе и в плане их подчинения калечащим действиям с их телом — речь о бинтовании ног [Gao 1995: 198]) и их сопротивления заведенному порядку вещей, вопрос о пассивно-подчиненном статусе и формах преодоления его, способах принятия решений в семейных делах.

Начало и середина 1990-х гг. в китайской историографии были временем подготовки первых профильных «специалистов по женской истории», чьи имена позже станут символическими как имена создательниц новой области исторических исследований. Среди таких пионерок, впервые использовавших возможности гендерного подхода в китайском историописании, стоит назвать Ду Фанцин [Du 1998: 47–52; Du 2001: 106–111; Du 2002: 205–210; Du 2003: 111–118]. Она предложила концепцию «гендерной системы Хуася» в качестве инструмента для анализа явления мужского превосходства и патриархата в рамках традиционной китайской культуры.

Одной из наиболее ярких черт гендерной системы Хуася, представленной в «Чжоуских ритуалах», является двойная иерархия — по классовому и по половому признакам. В отношении классовой иерархии мужчины-аристократы разделяются на Сынов Неба (天子), чжухоу (诸侯), дафу (大夫) и ши (士). При этом даже люди од-

ного клана могут быть либо главной, либо младшей линией, а сыновья одного отца могут являться или сыновьями главной жены, или сыновьями второстепенных жен. Что касается иерархии полов в пределах одного класса, то существует также иерархия между мужчинами и женщинами (мужское превосходство и женская неполноценность) и иерархия между женщинами (следует иерархия отца, мужа и сына).

Еще одной особенностью гендерной системы Хуася является изоморфизм семьи и государства, потому что отец и муж на самом деле являются «правителями» семьи. Цели и методы отцов и правителей в управлении семьей и государством не имеют принципиальных различий — поддерживать привилегии сильных и богатых, подавлять слабых и бедных, жертвовать личностью ради блага коллектива. Женщины, находясь в подчиненном положении и являясь потенциальными жертвами, оказываются под контролем мужчин-правителей. Автор доказывает, что подобные скрупулезные исследования важны для понимания негомогенности и существенных отличий гендерных культур в древнем Китае.

В самой значимой обобщающей монографии под редакцией Ду Фанцин, увидевшей свет в 2004 г., — «Женщины и гендер в истории Китая» [Du, Wang 2004] (подготовлена в соавторстве с Ван Чжэн) авторы отказались от линейной модели «свобода — угнетение — освобождение» и простых суждений о положении женщин, характерных для всех предыдущих исследований по женской истории женщин, показав, как многоаспектно понимание женской эмансипации, как влияли на нее различные общественные институты, формирующие социально-половое неравенство. Одновременно с подготовкой и выходом книги в китайской историографии развернулась дискуссия о том, можно ли считать любое исследование, где присутствует женская тема, исследованием по гендерной истории [Gao 2004: 97–107] или к ним можно отнести лишь те, в которых имеется ориентированность на феминистскую теорию в ее западноевропейской трактовке [Du 2004: 5–19].

Любопытно, что в ходе дискуссии обнаружился и такой взгляд на изучение женской темы в истории и антропологии, как представление о подобных исследованиях как об

особой дисциплине, которая зарождается и укореняется на китайской почве путем генерализации концептов и методов смежных дисциплин [Liu 2003: 79–87].

Издание обобщающей монографии по женской истории Китая показало, как именно — начиная с середины 1990-х гг. вместе с проникновением в Китай гендерной теории, — исследовательницы стали осторожно апробировать новые подходы, ранее считавшиеся для историков нерелевантными. Речь прежде всего об устной истории.

Книга «Создание равенства: устная история образования девочек на северо-западе Китая» [Yang 1995] была одной из первых попыток дать самим женщинам право голоса — право рассказать пережитую ими историю в трех провинциях северо-западного Китая (Нинся-Хуэйский автономный район, провинция Цинхай и провинция Ганьсу).

Данное исследование указывает на значимость проблемы образования девочек для распространения начального образования в отдаленных, бедных провинциях Китая в начале 1990-х гг. Нищета, устаревшие представления, предпочтение мальчиков, невежество родителей, большое количество детей в семьях и неблагоприятные условия для обучения — все эти факторы значительно осложняли решение проблемы образования девочек. В связи с этим правительство предприняло немалые усилия, чтобы путем активных действий и постоянного повышения информированности общества расширить возможности получения образования и способствовать социальной справедливости [Yang 1995: 423].

Чжан Сяо, взяв для изучения культуру и образование у народности мяо, показала в своей книге «Исследование устной истории женщин народности мяо в Сицзяне», как культура может оказывать влияние на строй мышления и поведения женщин и как женщины воспроизводили и продолжают воспроизводить традиционность [Zhang 1997].

4. Заключение

Обобщая обзор работ китайских историков первой половины XX в., можно прийти к заключению о том, что возникновение нового направления в китайских науках о прошлом было неизбежно, поскольку было

предопределено сменой познавательных ориентаций. Процесс накопления знаний о социально-историческом вкладе китайок в свою культуру — ранее почти незаметных, «невидимых и неслышимых» действующих лиц китайской истории — должен был неминуемо прийти к признанию особого направления в историографии. Это процесс включил в себя новый теоретический уровень развития исторической науки в Китае вместе с новыми подходами и концептами науки европейской (и прежде всего гендерной концепцией, разделившей биологический пол и его социально-культурные проявления, а также концепцией «соединяющихся сфер», в которой сфера господства женщин и вопросы организации повседневного быта оказались не второстепенными, а столь же важными, как сферы господства мужчин). Он включил в себя также и ее организаци-

онный уровень — новые конференции и форумы, в том числе и особенно значимую Четвертую Всемирную конференцию по положению женщин 1995 г., прошедшую в Пекине, которая стала разделительной чертой в истории складывания нового научного направления. С того времени Федерация женщин Китая стала называть себя общественной организацией, и при ее поддержке были развернуты исследовательские работы в разных городах и университетах, сформировались научные школы, выделились их лидеры. Новое направление объединило тех, кто на основе марксистской методологии с ее упором на особо пристальное изучение социально-экономических проблем обратился к гендерной концепции, которая позволила высветить темы, связанные с социально-половыми различиями, но ранее китайскими историками не изучавшиеся.

Литература

- Chen 1925 — *Chen Guyuan* 陈顾远. Zhongguo gudai hunyinshi 中国古代婚姻史 (= Чэнь Гуюань. История брака в древнем Китае). Beijing 北京: Shangwu yinshuguan 商务印书馆, 1925. 148 p.
- Chen 1937 — *Chen Dongyuan* 陈东原. Zhongguo funü shenghuoshi 中国妇女生活史 (= Чэнь Дунъюань. История жизни женщин в Китае). Beijing 北京: Shangwu yinshuguan 商务印书馆, 1937. 439 p.
- Den 2014 — *Deng Yan* 邓焱. Shitan “nanwai nünei” yu “nangong nüsi” duiying de yuanyi — jianlun liangqichao he guomoruo de xingbie lilun de yingxiang 试探“男/外·女/内”与“男/公·女/私”对应的源起 — 兼论梁启超和郭沫若的性别理论的影响 (= Дэн Янь. Изучение происхождения соответствия «мужчина / внешнее – женщина / внутреннее» и «мужчина / общественное – женщина / частное»: о влиянии гендерных теорий Лян Цичао и Го Можо) // Suzhou keji xueyuan xuebao (shehui kexueban) 苏州科技学院学报 (社会科学版). 2014. No. 1. 96 p.
- Deng 1999 — *Deng Xiaonan* 邓小南. Dunhuang tulufan yanjiu 敦煌吐鲁番研究 (= Дэн Сяонань. Исследование Дуньхуана и Турфана). Beijing 北京: Beijing daxue chubanshe 北京大学出版社, 1999. 637 p.
- Ding 1999 — *Ding Yizhuang* 定宜庄. Manzu de funü shenghuo yu hunyin zhidu yanjiu 满族的妇女生活与婚姻制度研究 (= Дин Ичжуан. Исследование жизни и системы брака маньчжурских женщин). Beijing 北京: Beijing daxue chubanshe 北京大学出版社, 1999. 384 p.
- Dong 1950 — *Dong Jiazun* 董家遵. Zhongguo shoujihun zhishi de yanjiu 中国收继婚之史的研究 (= Дун Цзяцзунь. Исследование истории левирата в Китае). Guangzhou 广州: Lingnan daxue xinan shehui jingji yanjiusuo 岭南大学西南社会经济研究所, 1950. 106 p.
- Du 1988 — *Du Fangqin* 杜芳琴. Nüxing guannian de yanbian 女性观念的衍变 (= Ду Фанцин. Эволюция женских представлений). Zhengzhou 郑州: Henan renmin chubanshe 河南人民出版社, 1988. 391 p.
- Du 1998 — *Du Fangqin* 杜芳琴. Huaxiazu xingbie zhidu de xingcheng jiqi tedian 华夏族性别制度的形成及其特点 (= Ду Фанцин. Формирование и особенности гендерной системы народности хуая) // Zhejiang xuekan 浙江学刊. 1998. No. 3. Pp. 47–52.
- Du 2001 — *Du Fangqin* 杜芳琴. Funü yanjiu de lishi yujing: fuquanzhi, xiandaixing yu xingbie guanxi 妇女研究的历史语境: 父权制、现代性与性别关系 (= Ду Фанцин. Исторический контекст женских исследований: патриархат, современность и гендерные отношения) // Zhejiang xuekan 浙江学刊. 2001. No. 1. Pp. 106–111.
- Du 2002 — *Du Fangqin* 杜芳琴. Dengji zhongde hehe: xizhou lizhi yu xingbie zhidu 等级中的合和: 西周礼制与性别制度 (= Ду Фанцин. Гармония в иерархии: ритуал и гендерные системы в Западном Чжоу) // Zhejiang xuekan 浙江学刊. 2002. No. 4. Pp. 205–210.

- Du 2003 — *Du Fangqin* 杜芳琴. Lishi yanjiu de xingbie weidu yu shijiao — jiantan funüshi, shehui xingbieshi yu jingji shehuishi de guanxi 历史研究的性别维度与视角 — 兼谈妇女史、社会性别史与经济-社会史的关系 (= Ду Фанцин. Гендерные измерения и перспективы в исторических исследованиях: взаимосвязь между историей женщин, гендерной историей и экономической и социальной историей) // Shanxi shida xuebao (shehui kexueban) 山西师大学报 (社会科学版). 2003. No. 4. Pp. 111–118.
- Du 2004 — *Du Fangqin* 杜芳琴. Funüshi yu shehui xingbie de qishi 妇女史与社会性别的启示 (= Ду Фанцин. Вдохновение женской истории гендера) // Shixue lilun yanjiu 史学理论研究 (= Исследования по исторической теории). 2004. No. 3. Pp. 5–19.
- Du, Wang 2004 — *Du Fangqin, Wangzheng* 杜芳琴, 王政. Zhongguo lishi zhongde funü yu xingbie 中国历史中的妇女与性别 (= Ду Фанцин, Ван Чжэн. Женщины и гендер в истории Китая). Tianjin 天津: Tianjin renmin chubanshe 天津人民出版社, 2004. 311 p.
- Du 2009 — *Du Fangqin* 杜芳琴. Zhongguo funü xingbieshi yanjiu liushinian shuping: lilunyu-fangfa 中国妇女/性别史研究六十年述评: 理论与方法 (= Ду Фанцин. Шестидесятилетний обзор китайских женщин / гендерной истории: теория и методы) // Zhonghua nüzi xueyuan xuebao 中华女子学院学报. 2009. No. 5. 13 p.
- Gao 1988 — *Gaoshiyu* 高世瑜. Tangdai funü 唐代妇女 (= Гао Шиюй. Женщины династии Тан). Xi'an 西安: Sanqin chubanshe 三秦出版社, 1988. 176 p.
- Gao 1995 — *Gao Hongxing* 高洪兴. Chanzushi 缠足史 (= Гао Хунсин, История бинтования ног). Shanghai 上海: Shanghai wenyi chubanshe 上海文艺出版社, 1995. 198 p.
- Gao 2004 — *Gao Shiyu* 高世瑜. Fazhan yu kunhuo — xinshiqi zhongguo dalu de funüshi yanjiu 发展与困惑 — 新时期中国大陆的妇女史研究 (= Гао Шиюй. Развитие и путаница: исследования женской истории в материковом Китае в новую эпоху) // Shixue lilun yanjiu 史学理论研究. 2004. No. 3. Pp. 97–107.
- He, Shi 1996 — *He Xiaoxia, Shi Jinghuan* 何晓霞, 史静寰. Jiaohui xuexiao yu zhongguo jiaoyu jindaihua 教会学校与中国教育近代化 (= Хэ Сяося, Ши Цзинхуань. Церковные школы и модернизация китайского образования). Guangzhou 广州: Guangdong jiaoyu chubanshe 广东教育出版社, 1996. 370 p.
- Engendering China 1994 — *Engendering China: Women, Culture, and the State* / Ed. by C. K. Gilmartin, G. Hershatter, L. Rofel, T. White. Harvard: Harvard University Press, 1994. 470 p.
- Hershatter, Wang 2008 — *Hershatter Gail, Wang Zheng* 王政. Zhongguo lishi: shehui xingbie fenxi de yige youyong fanchou 中国历史: 社会性别分析的一个有用的范畴 (= Гейл Хершаттер, Ван Чжэн. Китайская история: полезная категория для гендерного анализа) // Shehui kexue 社会科学. 2008. No. 12. Pp. 148–153 p.
- Hu 1957 — *Hu Wenkai* 胡文楷. Lidai funü zhuzuo-kao 历代妇女著作考 (= Ху Вэнькай. Исследование женских сочинений в прошлых династиях). Beijing 北京: Shangwu yinshuguan 商务印书馆, 1957. 1115 p.
- Huang 1998 — *Huang Yufu* 黄育馥. Jingju qiao he zhongguo de xingbie guanxi (1902–1937) 京剧·跷和中国的性别关系 (1902–1937) (= Хуан Юйфу. Пекинская опера — ходули и гендерные отношения в Китае (1902–1937). Beijing 北京: Shenghuo dushu xinzhishi sanlian shudian 生活·读书·新知三联书店, 1998. 211 p.
- Li 1996 — *Li Bozhong* 李伯重. Cong “fufu bingzuo” dao “nangeng nüzhi” — Mingqing jiangnan nongjia funü laodong wenti tantao zhiyi 从“夫妇并作”到“男耕女织” — 明清江南农家妇女劳动问题探讨之一 (= Ли Бочжун. От «муж и жена работают вместе» к «мужчины пахут, а женщины ткут»: первое обсуждение женского труда в Цзяннан и во время династий Мини Цин) // Zhongguo jingjishi yanjiu 中国经济史研究. 1996. No. 3. Pp. 99–107.
- Li 1997 — *Li Bozhong* 李伯重. “Nangeng nüzhi” yu “funü banbiantian” jueise de xingcheng — Mingqing jiangnan nongjia funü laodong wenti tantao zhi'er “男耕女织”与“妇女半边天”角色的形成 — 明清江南农家妇女劳动问题探讨之二 (= Ли Бочжун. Формирование ролей «мужчины пахут, женщины ткут» и «женщины как половина неба»: второе обсуждение женского труда в Цзяннан и в династии Мини Цин // Zhongguojingjishiyannjiu 中国经济史研究. 1997. No. 3. Pp. 10–22.
- Liu 2003 — *Liu Wenming* 刘文明. “Xin funüshi” zai zhongguo dalu de xingqi “新妇女史”在中国大陆的兴起 (= Лю Вэньмин. Возникновение «новой женской истории» в материковом Китае) // Shixue lilun yanjiu 史学理论研究. 2003. No. 1. Pp. 79–87.
- Lü 1929 — *Lü Simian* 吕思勉. Zhongguo hunyin zhidu xiaoshi 中国婚姻制度小史 (= Люй Симянь. Краткая история китайской брачной системы). Shanghai 上海: Zhongshan shuju 中山书局, 1929. 100 p.

- Ma 1956 — *Ma Qi* 马起. Hunyin he jiating zai lishishang de yanbian 婚姻和家庭在历史上的演变 (= Ма Ци. Эволюция брака и семьи в истории) // Dongbei renmin daxue xuebao 东北人民大学学报, 1956. No. 6. Pp. 93–107.
- Tao, Li 1999 — *Tao Yongbai, Li Shi* 陶咏白, 李滢. Shiluo de lishi: zhongguo nüxing huihuashi 失落的历史: 中国女性绘画史 (= Tao Юнбай, Ли Ши. Потерянная история: история китайской женской живописи). Changsha 长沙: Hunan meishu chubanshe 湖南美术出版社, 1999. 262 p.
- Wang 1934 — *Wang Shunu* 王书奴. Zhongguo changjishi 中国娼妓史 (= Ван Шуну. История китайской проституции). Shanghai 上海: Shenghuo shudian 生活书店, 1934. 358 p.
- Yang 1995 — *Yang Liwen* 杨立文. Chuangzao pingdeng: zhongguo xibei nü tong jiaoyu koushushi 创造平等: 中国西北女童教育口述史 (= Ян Ливэнь, Создание равенства: устная история образования девочек на северо-западе Китая). Beijing 北京: Minzu chubanshe 民族出版社, 1995. 423 p.
- Zhang 1997 — *Zhang Xiao* 张晓. Xijiang miaozu funü koushushi yanjiu 西江苗族妇女口述史研究 (= Чжан Сяо. Исследование устной истории женщин народности Мяо в Сицзяне). Guiyang 贵阳: Guizhou renmin chubanshe 贵州人民出版社, 1997. 261 p.
- Zhao 1928 — *Zhao Fengjie* 赵凤喈. Zhongguo funü zai falü shangzhi diwei 中国妇女在法律上之地位 (= Чжао Фэнцзе. Правовой статус женщин в Китае). Beijing 北京: Shangwu yinshuguan 商务印书馆, 1928. 152 p.
- Zheng 1988 — *Zheng Huisheng* 郑慧生. Shanggu huaxia funü yu hunyin 上古华夏妇女与婚姻 (= Чжэн Хуэйшэн. Женщины и брак в Древнем Китае). Zhengzhou 郑州: Henan renmin chubanshe 河南人民出版社, 1988. 251 p.
- Zhou, Guo 2013 — *Zhou Daming, Guoyongping* 周大鸣, 郭永平. Xingbie quanli yu shenfen jian-gou — yi “dazhai tieguniang” wei kaocha duixiang 性别、权力与身份建构 — 以大寨铁姑娘为考察对象 (= Чжоу Дамин, Го Юнпин. Гендер, власть и построение идентичности — взятие железной девушки Дачжэй в качестве объекта исследования) // Qinghai minzu yanjiu 青海民族研究. 2013. No. 10 p.
- ACWF 1979 — *Zhonghua quanguo funü lianhehui* 中华全国妇女联合会. Zhongguo funü yundong zhongyao wenxian 中国妇女运动重要文献 (= Всекитайская федерация-женщин). Beijing 北京: Renmin chubanshe 人民出版社, 1979. 256 p.
- ACWF 1989 — *Zhonghua quanguo funü lianhehui* 中华全国妇女联合会. Zhongguo funü yundongshi 中国妇女运动史 (= История китайского женского движения). Beijing 北京: Chunqiu chubanshe 春秋出版社, 1989. 615 p.
- WMHRO 1981 — *Zhonghua quanguo funü lianhehui funü yundong lishi yanjiushi* 中华全国妇女联合会妇女运动历史研究. Wusi shiqi funü wenti wenxuan 五四时期妇女问题文选 (= Избранные труды по вопросам женщин в период Четвертого мая). Beijing 北京: Shenghuo dushu xinzhi sanlian shudian 生活·读书·新知三联书店, 1981. 368 p.
- CWMC 1988 — *Zhongguo funü guanli ganbu xueyuan* 中国妇女管理干部学院. Zhongguo funü yundong wenxian ziliao huibian 中国妇女运动文献资料汇编 (1949–1983) (= Сборник документов по китайскому женскому движению (1949–1983). Beijing 北京: Zhongguo funü chubanshe 中国妇女出版社, 1988. 1342 p.

Sources

- All-China Women's Federation. Important Documents of Chinese Women's Movement. Beijing 北京: Renmin chubanshe 人民出版社. 1979. 256 p. (In Chin.)
- All-China Women's Federation. History of the Chinese Women's Movement. Beijing 北京: Chunqiu chubanshe 春秋出版社, 1989. 615 p. (In Chin.)
- Chen Guyuan 陈顾远. History of Marriage in Ancient China. Beijing 北京: Shangwu yinshuguan 商务印书馆, 1925. 148 p. (In Chin.)
- Chen Dongyuan 陈东原. Chinese Women's Life History. Beijing 北京: Shangwu yinshuguan 商务印书馆, 1937. 439 p. (In Chin.)
- China Women's Management Cadre Institute. A Compilation of Chinese Women's Movement Literature (1949–1983). Beijing 北京: Zhongguo funü chubanshe 中国妇女出版社, 1988. 1342 p. (In Chin.)
- Deng Xiaonan 邓小南. Dunhuang Tulufan Studies. Beijing 北京: Beijing daxue chubanshe 北京大学出版社, 1999. 637 p. (In Chin.)
- Deng Yan 邓焱. Exploring the Origin of the Correspondence between “Male/External – Female/Inner” and “Male/Public – Female/Private”: An Influence of the Gender Theories of Liang Qichao and Guo Moruo // Suzhou keji xueyuan xuebao (shehui kexueban) 苏州科技学院学报 (社会科学版). 2014. No. 1. 96 p. (In Chin.)

- Ding Yizhuang 定宜庄. A Study of Women's Life and Marriage System in Manchu. Beijing 北京: Beijing daxue chubanshe 北京大学出版社, 1999. 384 p. (In Chin.)
- Dong Jiazun 董家遵. A Study of the History of Succession Marriage in China. Guangzhou 广州: Lingnan daxue xinan shehui jingji yanjiusuo 岭南大学西南社会经济研究所, 1950. 106 p. (In Chin.)
- Du Fangqin 杜芳琴. Evolution of Women's Concept. Zhengzhou 郑州: Henan renmin chubanshe 河南人民出版社, 1988. 391 p. (In Chin.)
- Du Fangqin. The Formation and Characteristics of the Huaxia Gender System // Zhejiang xuekan. 1998. No. 3. Pp. 47–52. (In Chin.)
- Du Fangqin 杜芳琴. The Historical Context of Women's Studies: Patriarchy, Modernity, and Gender Relations // Zhejiang xuekan 浙江学刊. 2001. No. 1. Pp. 106–111. (In Chin.)
- Du Fangqin 杜芳琴. Harmony in Hierarchy: Western Zhou Rituals and Gender Systems // Zhejiang xuekan 浙江学刊. 2002. No. 4. Pp. 205–210. (In Chin.)
- Du Fangqin 杜芳琴. Gender Dimensions and Perspectives in Historical Research: The Relationship between Women's History, Gender History and Economic and Social History // Shanxi shida xuebao (shehui kexueban) 山西师大学报 (社会科学版). 2003. No. 4. Pp. 111–118. (In Chin.)
- Du Fangqin 杜芳琴. Women's History and Gender Insights // Shixue lilun yanjiu 史学理论研究. 2004. No. 3. Pp. 5–19. (In Chin.)
- Du Fangqin, Wangzheng 杜芳琴, 王政. Women and Gender in Chinese History. Tianjin 天津: Tianjin renmin chubanshe 天津人民出版社, 2004. 311 p. (In Chin.)
- Du Fangqin 杜芳琴. A Review of Sixty Years of Women's/Gender History Research in China: Theory and Methodology // Zhonghua nüzi xueyuan xuebao 中华女子学院学报. 2009. No. 5. 13 p. (In Chin.)
- Gao Hongxing 高洪兴. History of foot binding. Shanghai 上海: Shanghai wenyi chubanshe 上海文艺出版社, 1995. 198 p. (In Chin.)
- Gao Shiyu 高世瑜. Women of the Tang Dynasty. Xi'an 西安: Sanqin chubanshe 三秦出版社, 1988. 176 p. (In Chin.)
- Gao Shiyu 高世瑜. Development and Confusion: Women's History Research in Mainland China in the New Era // Shixue lilun yanjiu 史学理论研究. 2004. No. 3. Pp. 97–107. (In Chin.)
- He Xiaoxia, Shi Jinghuan 何晓夏, 史静寰. Church-Schools and the Modernization of Chinese Education. Guangzhou 广州: Guangdong jiaoyu chubanshe 广东教育出版社, 1996. 370 p. (In Chin.)
- Hershatter 1994 — Gail Hershatter. Engendering China: Women, Culture, and the State. Ed. by CK. Gilmartin. Harvard: Harvard University Press, 1994. 470 p. (In Eng.)
- HershatterGail, Wang Zheng 王政. Chinese History: A Useful Category for Gender Analysis // Shehui kexue 社会科学. 2008. No. 12. Pp. 148–153 p. (In Chin.)
- Hu Wenkai 胡文楷. Women's Writings Throughout the Ages. Beijing 北京: Shangwu yinshuguan 商务印书馆, 1957. 1115 p. (In Chin.)
- Huang Yufu 黄育馥. Stilts in Beijing Opera and Gender Relations in China (1902-1937). Beijing 北京: Shenghuo dushu xinzhishi sanlian shudian 生活·读书·新知三联书店, 1998. 211 p. (In Chin.)
- Li Bozhong 李伯重. From "Husband and Wife Working Together" to "Men Farming and Women Weaving"—The First Discussion of Women's Labor in Jiangnan in the Ming and Qing Dynasties // Zhongguo jingjishi yanjiu 中国经济史研究. 1996. No. 3. Pp. 99–107. (In Chin.)
- Li Bozhong 李伯重. The Formation of the Role of "Men Farming and Women Weaving" and "Women as Half of the Sky" — The Second Discussion of Women's Labor in Jiangnan in the Ming and Qing Dynasties // Zhongguo jingjishi yanjiu 中国经济史研究. 1997. No. 3. Pp. 10–22. (In Chin.)
- LiuWenming 刘文明. The Rise of "New Women's History" in Mainland China // Shixue lilun yanjiu 史学理论研究. 2003. No. 1. Pp. 79–87. (In Chin.)
- Lü Simian 吕思勉. A Brief History of Marriage System in China. Shanghai 上海: Zhongshan shuju 中山书局, 1929. 100 p. (In Chin.)
- Ma Qi 马起. The evolution of marriage and family in history // Dongbei renmin daxue xuebao 东北人民大学学报, 1956. No. 6. Pp. 93–107. (In Chin.)
- Tao Yongbai, Li shi 陶咏白, 李滢. Lost History: A History of Chinese Women's Painting. Changsha 长沙: Hunan meishu chubanshe 湖南美术出版社, 1999. 262 p. (In Chin.)
- Wang Shunu 王书奴. The History of Chinese Prostitution. Shanghai 上海: Shenghuo shudian 生活书店, 1934. 358 p. (In Chin.)
- Women's Movement History Research Office of the All-China Women's Federation. Selected Works on Women's Issues in the May Fourth Period. Beijing 北京: Shenghuo dushu xinzhishi sanlian shudian 生活·读书·新知三联书店, 1981. 368 p. (In Chin.)

Yang Liwen 杨立文. Creating Equality: An Oral History of Girls' Education in Northwest China. Beijing 北京: Minzu chubanshe 民族出版社, 1995. 423 p. (In Chin.)

Zhang Xiao 张晓. An Oral History Study of Hmong Women in Xijiang, Guizhou, Guizhou renmin chubanshe 贵州人民出版社, 1997. 261 p. (In Chin.)

Zhao Fengjie 赵凤喈. The Legal Status of Women in China. Beijing 北京: Shangwu yinshuguan 商务印书馆, 1928. 520 p. (In Chin.)

Zheng Huisheng 郑慧生. Women and Marriage in Ancient China. Zhengzhou 郑州: Henan renmin chubanshe 河南人民出版社, 1988. 254 p. (In Chin.)

Zhou Daming, Guoyongping 周大明, 郭永平. Gender, Power and Identity Construction – Taking Iron Girl of Dazhai as the Research Object // Qinghai minzu yanjiu 青海民族研究. 2013. No. 10 p. (In Chin.)

По [СИГТЯ 2002: 4] кыпчакские языки включают в себя: язык алабугатских татар-ногайцев, язык астраханских ногайцев-карагашей, язык юртовских татар, ногайский язык, татарский язык, язык барабинских татар, башкирский язык, караимский язык, казахский язык, каракалпакский язык, киргизский язык, алтайский язык, крымскотатарский язык, крымчакский язык, кумыкский язык.

Как будет показано ниже, до настоящего времени у исследователей нет единого мнения по поводу классификации кыпчакских языков. В работе [Паллас 1787–1789] собраны словари XVIII в. по татарскому, башкирскому, ногайскому и казахскому языкам. Статья посвящена анализу их графики, который позволяет уточнить наши знания о развитии графико-фонетических изоглосс, которые являются диалектно-классифицирующими.

1. Анализ существующих классификаций современных кыпчакских языков

Ниже при анализе существующих классификаций мы специально будем останавливаться именно на близости татарских, башкирского, ногайского и казахского языков, потому что именно по ним доступные нам словари XVIII в. позволяют нам получить новые сведения.

Одна из наиболее ранних и известных классификаций тюркских языков предложена Н. А. Баскаковым, см. подробнее [СИГ-

Рис. 1. Классификация кыпчакских языков по Н. А. Баскакову [СИГТЯ 2006: 767]
[Fig. 1. Classification of Kipchak languages according to N. Baskakov]

Видно, что в этой классификации татарский и башкирский языки относятся к одной группе «кыпчакско-булгарские», а ногайский и казахский — к другой — «кыпчакско-ногайские».

Классификация А. Н. Самойловича в этом вопросе принципиально не отличается от схемы А. Н. Баскакова. Фрагмент его классификации кыпчакских языков можно видеть на схеме ниже (рис. 2).